

Стивен Кинг
Безнадёга
Серия «Тэк», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122352
Безнадёга : [роман]: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-40632-4

Аннотация

Добро пожаловать в Безнадёгу!

В городок, где безраздельно правят силы Зла и оживают самые невероятные человеческие страхи...

В городок, где уличное движение регулирует маньяк – убийца...

В городок, где на дорожном указателе распята убитая кошка...

В тихий городок, где смерть подстерегает на каждом шагу...

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
1	4
2	7
3	10
4	14
5	17
Глава 2	22
1	22
2	24
3	25
4	25
5	30
Глава 3	33
1	33
2	33
3	36
4	40
5	47
Глава 4	54
1	54
2	56
3	57
4	61
5	66
Глава 5	70
1	70
2	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Стивен Кинг

Безнадёга

Картеру Уитни

Выражаю особую благодарность Ричу Хаслеру из «Магма майнинг корпорейшн», Уильяму Уинстону, священнику епископальной церкви, Чаку Верриллу, моему давнишнему (и многострадальному, мог бы он добавить) редактору, и Табите Кинг, моей жене и главному критику. А теперь, когда все они названы, Постоянный Читатель, вместе со мной вы можете сказать большое спасибо им за удачу, а уж за промахи поругать меня.

С. К.

Пейзаж его поэзии – все та же пустыня...

Салман Рушди

«Сатанинские стихи»

Часть I

Шоссе 50: в доме волка и скорпиона

Глава 1

1

– О Господи! Пресвятой Иисус!

– Что такое, Мэри? Что?

– Разве ты не видел?

– Не видел что?

Она повернулась к нему. В яростном солнечном свете, заливающим пустыню, он увидел, как кровь отхлынула от лица Мэри, на бледной коже особенно четко проступили пятна ожогов на щеках и над бровями, где не смог помочь даже самый сильный солнцезащитный крем.

– На том знаке ограничения скорости.

– И что там?

– Дохлая кошка, Питер. Прибитая или приклеенная, кто ее знает.

Он нажал на педаль тормоза. Мэри схватила его за плечо:

– Только не вздумай разворачиваться.

– Но...

– Что «но»? Может, хочешь сфотографировать? Не пойдет, парень. Если я увижу ее еще раз, меня стошнит.

– Кошка белая? – В зеркало заднего обзора Питер видел тыльную сторону знака, того самого знака ограничения скорости, о котором говорила Мэри, но ничего больше. Когда они проезжали мимо, он смотрел в другую сторону, на каких-то птиц, кружащих над ближайшим холмом. Не все же время таращиться на дорогу. В Неваде федеральное шоссе 50 прозвали самой пустынной автострадой Америки, и, по мнению Питера Джексона, попали в десятку.

Правда, он вырос в Нью-Йорке, поэтому бескрайние просторы и отсутствие автомобилей давили на него сильнее, чем на уроженца той же Невады.

– Нет, полосатая, – отозвалась Мэри. – А какая разница?

– Я подумал, что в пустыне чудят сатанисты. Мэриэл говорила, что люди тут странные.

– Впечатлительные, – поправила его Мэри. – Цитирую: «Центральная Невада полна впечатлительных людей». И Гэри подтвердил ее слова. А поскольку мы никого не встретили после того, как пересекли границу с Калифорнией...

– Но в Фэллоне...

– Заправки не в счет. Хотя даже там... – На лице Мэри отразились непонимание и беспомощность. В последнее время такое случалось редко, хотя раньше, в первые месяцы после выкидыша, выражение это не сходило с ее лица. – Почему они живут здесь, Питер? Я еще понимаю тех, кто обитает в Вегасе или Рино... даже в Уиннемакке или Уэндовере...

– Те, кто приезжает из Юты, называют Уэндовер Пьяньдовером, – улыбнулся Питер. – Гэри рассказывал...

– Но остальная часть штата... – Мэри его словно и не услышала. – Люди, которые там живут... Зачем они пришли туда? Почему остались на этом месте? Да, я родилась и выросла в Нью-Йорке, возможно, я чего-то не понимаю, но...

– Так ты уверена, что кошка не белая? И не черная? – Питер быстро глянул в зеркало заднего обзора, но они мчались со скоростью семьдесят миль в час, так что знак давно растворился среди песка, мескитовых деревьев и коричневых холмов. Зато позади наконец-то появился еще один автомобиль. Ветровое стекло его так и сверкало в солнечных лучах. Их разделяла миля. Может, две.

– Нет, полосатая, я же сказала. Отвечай на мой вопрос. Кто они, здешние налогоплательщики, и что их тут держит?

Питер пожал плечами:

– Налогоплательщиков тут всего ничего. Фэллон – самый крупный город, расположенный на шоссе 50, и основное занятие местных жителей – сельское хозяйство. В путеводителе сказано, что они построили дамбу и теперь у них есть вода для полива. А выращивают они главным образом мускусные дыни. Я думаю, где-то рядом есть военная база. Через Фэллон проходит междугородный автобусный маршрут.

– Я бы уехала. Забрала свои дыни и уехала.

Правой рукой он коснулся ее левой груди:

– Это прекрасная пара дынь, мэм.

– Спасибо на добром слове. Дело не в Фэллоне. Я бы уехала из любого штата, где куда ни глянь – ни дома, ни дерева, а к знакам ограничения скорости приколачивают кошек.

– Видишь ли, зона восприятия – дело тонкое. – Питер тщательно подбирал слова. Иногда (сейчас был как раз такой случай) он не знал, шутит Мэри или говорит серьезно. – Ты вот родилась в мегаполисе, поэтому Большая пустыня в твою зону просто не укладывается. В мою, кстати, тоже. Одного здешнего неба и бесконечного горизонта достаточно, чтобы у меня поехала крыша. Я с самого утра чувствую, как все это давит на меня.

– И на меня. Еще как давит.

– Ты сожалеешь, что мы поехали? – В зеркале заднего обзора он увидел, что расстояние до автомобиля, ехавшего сзади, сократилось. Это не грузовик, который они видели на выезде из Фэллона, а легковушка. И несется как бешеная.

Мэри задумалась, потом качнула головой:

– Нет. Хорошо, что мы повидались с Мэриэл и Гэри... И озеро Тахо...

– Прекрасное озеро, правда?

– Восхитительное. Даже здесь... – Мэри посмотрела в окно. – В пустыне есть своя прелесть, этого у нее не отнимешь. Наверное, я запомню ее на всю оставшуюся жизнь. Но...

– ...мурашки бегут по коже, – закончил за нее Питер. – Если ты из Нью-Йорка.
– Чертовски верно, – согласилась Мэри. – С урбанистической зоной восприятия. Даже если бы мы поехали по другой автостраде, все равно увидели бы одну пустыню.

– Это точно. – Он вновь посмотрел в зеркало заднего обзора. Очки, которые он надевал, садясь за руль, блеснули на солнце. Их настигала патрульная машина, мчавшаяся со скоростью никак не меньше девяноста миль в час. Питер прижался к обочине, правые колеса съехали с асфальта, подняв шлейф пыли.

– Пит? Ты чего?

Еще один взгляд в зеркало. Хромированная решетка радиатора, сверкавшая так ярко, что Питеру пришлось прищуриться, стремительно надвигалась на них... Но машина вроде бы белая, значит, не полиция штата.

– Стараюсь вжаться в землю. Может, и не заметят. За нами коп, и он торопится. Возможно, преследует...

Патрульная машина просвистела мимо. «Акуру», принадлежащую сестре Питера, основательно тряхнуло. Действительно, машина белая, но изрядно покрытая пылью. С названием города на дверце, прочитать которое Питер не успел. Без... и что-то там дальше. Может, Бездна. Вполне подходящее название для города, затерянного на просторах Невады.

– ...Того парня, что прибил кошку к знаку ограничения скорости, – закончил Питер.

– Но почему он едет так быстро без включенной мигалки?

– А от кого ему освободить дорогу?

– Как от кого? – Вновь непонимание и беспомощность на ее лице. – От нас.

Питер открыл рот, чтобы ответить, но тут же закрыл его. А ведь Мэри права. Коп видел их ровно столько же, сколько и они его, может, и дольше, так почему он не включил мигалку, не просигналил фарами? На всякий случай. Разумеется, у Питера и самого хватило ума прижаться к обочине, чтобы не мешать копу, но...

Внезапно у патрульной машины вспыхнули тормозные огни. Питер автоматически вдавил в пол педаль тормоза, хотя уже сбросил скорость до шестидесяти миль, а патрульная машина умчалась достаточно далеко, и столкнуться они никак не могли. Патрульная машина тем временем перешла на встречную полосу.

– Что это он вытворяет? – спросила Мэри.

– Кто его знает.

Но Питер, разумеется, знал: коп сбрасывал скорость. С восьмидесяти пяти или девяноста миль, на которых тот проскочил мимо, она упала до пятидесяти. Хмурясь, не понимая, что происходит, притормозил и Питер. Стрелка спидометра на машине Дейдры качнулась к цифре 40.

– Питер! – В голосе Мэри послышалась тревога. – Питер, мне это не нравится!

– Все нормально, – успокоил ее Питер.

Но так ли это? Он смотрел на патрульную машину, ползущую по встречной полосе, и гадал, в чем же дело. Попытался рассмотреть копа, что сидел за рулем, но заднее стекло покрывал плотный слой пыли.

Тормозные огни, тоже запыленные, вновь сверкнули: коп еще сбросил скорость. Теперь она не превышала тридцати миль в час. На дорогу, прямо под колеса патрульной машины, вынесло перекасти-поле. Шины расплющили его по асфальту. А то, что осталось от перекасти-поля, почему-то напомнило Питеру кисть с переломанными пальцами. Его охватил страх, даже ужас, причину которого он не мог понять.

Дело в том, что Центральная Невада полна впечатлительных людей. Так сказала Мэриэл, и Гэри это подтвердил. А впечатлительные люди ведут себя именно так. То есть странно.

Разумеется, все это чушь собачья, ничего странного тут нет, во всяком случае, очень уж странного, но все же...

Опять блеснули тормозные огни. Питер в ответ автоматически нажал на тормоз, потом посмотрел на спидометр и увидел, что скорость упала до двадцати пяти миль.

– Чего он хочет, Пит?

Теперь намерения копа уже не составляли для него тайны.

– Вновь оказаться позади.

– Почему?

– Понятия не имею.

– Почему он просто не остановится на обочине, если хочет именно этого?

– Не знаю.

– Так ты намерен...

– Естественно, я обгоню его. – И неожиданно для себя Питер добавил: – В конце концов, мы не прибавляли эту чертову кошку к знаку ограничения скорости.

Он надавил на педаль газа и начал настигать патрульную машину, плетущуюся со скоростью двадцать миль в час.

Мэри с силой сжала его плечо, короткие ногти впились в кожу через синюю тенниску.

– Не надо.

– Мэри, ничего другого нам не остается.

Пока они препирались, «акура» Дейдры поравнялась с белым «каприсом», а потом оставила его позади. Питер покосился влево, но через два стекла практически ничего не увидел. Понял только, что коп – мужчина крупный. И еще ему показалось, что он смотрит в их сторону. А вот надпись на дверце Питер прочитал: «БЕЗНАДЕГА. ПОЛИЦЕЙСКИЙ УЧАСТОК». Золотые буквы под гербом города: всадник и шахтер,жимающие друг другу руки.

Безнадёга, подумал Питер. *Все лучше, чем Бездна. Намного лучше.*

Как только он обогнал патрульную машину, она тут же вернулась на свою полосу и, прибавив скорость, прилепилась к заднему бамперу «акуры». Так они и ехали тридцать или сорок секунд (для Питера эти секунды тянулись гораздо дольше). А потом замигали синие огни на крыше «каприса». У Питера засосало под ложечкой, но он не удивился. Отнюдь.

2

Рука Мэри все еще сжимала плечо Питера, когда он свернул на обочину.

– Что ты делаешь? Что ты делаешь, Питер?

– Останавливаюсь. Он включил мигалки и сел нам на хвост.

– Мне это не нравится. – Мэри нервно огляделась: пустыня, холмы и бездонное синее небо. – Что мы сделали?

– Возможно, превысили скорость. – Питер смотрел в боковое зеркало.

Он прочитал надпись на украшающей бампер наклейке: «ОСТОРОЖНО! ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ ОБЫЧНО БЛИЖЕ, ЧЕМ ВАМ КАЖЕТСЯ». И тут же открылась дверца, а под ней показалась нога в хаки. Здоровенная нога. Затем ее обладатель вылез из кабины, захлопнул дверцу и надел на голову шляпу (в кабине для шляпы места бы не хватило, предположил Питер). А-ля медвежонок Смоки¹.

Мэри оглянулась, и глаза ее удивленно распахнулись.

– Святой Боже, да у этого парня габариты футболиста².

¹ Smokey Bear – талисман службы леса, симпатяга медведь в джинсах, шляпе и форменной рубашке лесника. Форма патрульных полиции штата похожа на форму лесников. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Имеется в виду американский футбол, где рост, вес и ширина плеч имеют первостепенное значение.

– Как минимум, – согласился Питер.

Взяв за точку отсчета крышу патрульной машины (пять футов от земли), он прикинул, что рост копа, шагающего к «акуре» Дейдры, никак не меньше шести футов и пяти дюймов. А вес – за двести пятьдесят фунтов. Может, и за триста.

Мэри отпустила плечо Питера и вжалась в дверцу, стремясь до максимума увеличить расстояние между собой и гигантом. На бедре у копа болталась кобура, из которой торчала рукоятка револьвера, такого же огромного, как и сам коп, а вот руки его были пусты: ни блокнота, ни книжечки штрафных квитанций. Питеру это не понравилось. Он не понимал, что сие означает, но ему это явно не нравилось. После получения водительского удостоверения его четырежды штрафовали за превышение скорости и один раз – за избыток алкоголя в крови (после рождественской вечеринки на факультете три года назад). И ни разу коп не подходил к нему с пустыми руками. Сердце Питера, которое и так билось быстрее обычного, застучало сильнее. Оно еще не выскакивало из груди, но он чувствовал, что скоро дойдет и до этого.

Ты ведешь себя глупо, и ты это знаешь, сказал он себе. Речь идет о превышении скорости, ни о чем большем. Установленный ограничительный знак – шутка, и все знают, что это шутка, но парень, несомненно, обязан оштрафовать определенное число нарушителей. А что касается превышения скорости, штрафовать за это лучше всего приезжих. Ты это знаешь. Поэтому... Как назывался альбом старины ван Хэлена? «Жуй их и улыбайся»?

Когда коп остановился рядом с «акурой», пряжка его пояса оказалась на уровне глаз Питера. Коп не наклонился, он поднял руку (тоже внушительных размеров) ладонью вверх и несколько раз сжал и разжал пальцы, показывая, что желает взглянуть на документы водителя.

Питер снял круглые, без оправы, очки, сунул их в нагрудный карман и опустил стекло. Рядом часто-часто дышала Мэри, словно она напрыгалась через веревочку или натрахалась.

Коп не спеша присел, и в поле зрения Джексонов возникло его огромное бесстрастное лицо. Тень от шляпы падала копу на лоб. Питер отметил, что кожа у него розовая, словно обгоревшая, значит, коп, как и Мэри, не в ладах с солнцем. Выражения ярко-серых глаз Питер понять не смог. Не было в них никаких эмоций. Зато он унюхал запах. Вроде бы лосьон после бритья «Олд спайс».

Коп быстро глянул на водителя, затем его взгляд прошелся по кабине «акуры»: сначала Мэри (замужем, белая, милая мордашка, хорошая фигура, молодая, особых примет нет), потом заднее сиденье, заваленное камерами, сумками, разным хламом. Хлама пока набралось не слишком много: из Орегона они выехали два дня назад, из которых полтора провели у Гэри и Мэриэл Седерсон, слушая старые пластинки и предаваясь воспоминаниям.

Глаза копа остановились на выдвинутой пепельнице. Питер сообразил, что его интересуют окурки «косяков», коп пытается уловить запах «травки» или гашиша, и облегченно вздохнул. Не пыхал он уже лет пятнадцать, «кокса» вовсе не нюхал и практически бросил пить после той приснопамятной рождественской вечеринки. С наркотиками он сталкивался лишь на рок-концертах, когда до его ноздрей долетал дым чьей-нибудь самокрутки. Мэри же вообще ничего подобного не пробовала и иногда называла себя наркодевушкой. В пепельнице коп мог увидеть только две скатанные в шарики обертки от жвачки, а на заднем сиденье не валялись ни банки из-под пива, ни бутылки из-под вина.

– Патрульный, я, видимо, превысил скорость...

– Увлечлись малек? – добродушно спросил коп. – Бывает, бывает. Сэр, я бы хотел взглянуть на ваше водительское удостоверение и на регистрационный талон.

– Конечно. – Питер достал бумажник из заднего кармана брюк. – Автомобиль не мой. Моей сестры. Мы перегоняем его в Нью-Йорк. Из Орегона. Сестра училась в Риде. Рид-колледж, это в Портленде.

Питер понимал, что не говорит, а тараторит, но ничего не мог с собой поделаться. Такое повторялось при каждой встрече с копом: у него буквально начинался словесный понос, словно в багажнике лежал труп или похищенный ребенок. Питер вспомнил, что точно так же говорил, говорил и говорил, когда коп остановил его на Лонг-Айленде после рождественской вечеринки, ля-ля-ля-ля, а коп в это время молчал, занимаясь своим делом: сначала внимательно просмотрел его документы, потом вытащил синий пластиковый мешочек – комплект для определения наличия алкоголя в крови.

– Мэри, тебя не затруднит достать из бардачка регистрационный талон? Он в конверте вместе со страховкой Ди.

Мэри не шевельнулась. Уголком глаза Питер видел, что она застыла словно статуя. Сам же он раскрыл бумажник и начал рыться в нем в поисках водительского удостоверения. Оно должно лежать в одном из отделений с пластиковыми окошками. Так нет же, не лежит!

– Мэри? – повторил он нетерпеливо, с нотками испуга в голосе. А если он потерял это гребаное водительское удостоверение? Выронил в квартире Гэри, когда переключал содержимое карманов (во время путешествия карманы всегда набиты черт знает чем) из одних джинсов в другие? Хотя не мог, конечно, выронить, такого с ним еще не случилось, но... – Ну же, Мэри! Достань этот треклятый регистрационный талон! Пожалуйста.

– Сейчас, сейчас.

Она наклонилась вперед, словно старый, заржавевший механизм, внезапно пробужденный к жизни электрическим импульсом, и открыла бардачок. Начала в нем шуровать, выгребла всякую ерунду: полпачки печенья, кассету Бонни Рэйт, зажеванную магнитолой Дейдры, карту Калифорнии. Питер видел капельки пота, выступившие на левом виске Мэри. Взмокли и корни ее черных волос, хотя кондиционер исправно гнал в салон холодный воздух.

– Я не... – И тут же паника в ее голосе сменилась облегчением. – Вот он.

В этот момент Питер заглянул в отделение для визитных карточек и обнаружил водительское удостоверение. Он не помнил, что клал его туда (с какой стати его туда класть?), но оказалось оно именно там. С фотографии на него смотрел не старший преподаватель английского языка Нью-Йоркского университета, а какой-то безработный (а то и объявленный в розыск убийца). Однако в том, что сфотографирован именно он, Питер, сомнений быть не могло. Настроение у него заметно улучшилось. Документы нашлись, есть все-таки Бог на небесах, и в мире царит полный порядок.

Кроме того, подумал Питер, протягивая копу водительское удостоверение, это не Албания, знаете ли. Может, это и не наша зона восприятия, но уж точно не Албания.

– Питер?

Он повернулся, взял конверт, который Мэри держала в руке, подмигнул ей. Она попыталась улыбнуться в ответ, но без особого успеха. И тут порыв ветра окатил их автомобиль песком. Песчинки маленькими иголками впились в лицо Питера, он зажмурился. Как же ему захотелось в этот момент оказаться в паре тысяч миль от Невады, хоть к северу, хоть к югу.

Питер протянул регистрационный талон на автомобиль Дейдры копу, но тот все еще изучал водительское удостоверение.

– Вижу, вы донор внутренних органов? – произнес коп, не отрывая глаз от удостоверения. – Вы действительно думаете, что это разумное решение?

Питер оторопел.

– Ну, я...

– Это регистрационный талон на автомобиль, сэр? – Коп быстро сменил тему. Теперь он смотрел на лист канареечно-желтой бумаги.

– Да.

– Пожалуйста, передайте его мне.

Питер протянул талон через окно. Теперь коп держал в одной руке водительское удостоверение Питера, а в другой – регистрационный талон на автомобиль Дейдры. Он долго смотрел то на один документ, то на другой. Почувствовав, как что-то прикоснулось к его бедру, Питер вздрогнул, но тут же понял, что это рука Мэри. Он положил на нее свою руку и сжал.

– Ваша сестра? – нарушил затянувшуюся паузу коп и поднял на них ярко-серые глаза.

– Да...

– Ее фамилия Финни. Ваша – Джексон.

– Дейдра год была замужем, между средней школой и колледжем, – ответила Мэри. Спокойно, уверенно, без признаков паники. Питер поверил бы в это спокойствие, если б не пальцы, вжимающиеся в его бедро. – Она оставила фамилию мужа. Только и всего.

– Год, говорите? Между средней школой и колледжем? Вышла замуж. *Тэк.*

Он вновь уставился на документы. Питер видел, как ходит из стороны в сторону вертушка шляпы, которая так хорошо смотрелась на симпатяге медвежонке.

Нахлынувшее было облегчение испарилось без следа.

– Между средней школой и колледжем, – повторил коп, не поднимая головы, а в мозгу Питера вдруг раздалась другая, не произнесенная вслух слова: *Вижу, вы донор внутренних органов. Вы действительно думаете, что это разумно?*

Мэри перевернула руку, теперь ее ногти впивались в ладонь Питера. Сердце у него сжалось, он вновь почувствовал себя нашкодившим ребенком, который точно знает, что за ним водится грешок.

– В чем... – начал он.

Коп, что ехал в патрульном автомобиле, приписанном к полицейскому участку города Безнадёги, встал. Сначала исчезла голова, потом рубашка с блестящей бляхой и, наконец, португепя. Теперь Питер видел лишь тяжелую пряжку ремня, торчащую из кобуры рукоятку револьвера да складки материи цвета хаки у ширинки.

А в голосе, раздавшемся над крышей «акуры», не слышалось вопросительных интонаций.

– Выходите из машины, мистер Джексон.

3

Питер потянул на себя ручку, и коп отступил назад, чтобы дверца открылась. Мэри так сильно сжала руку Питера, что тот непроизвольно повернулся к ней. Обожженные участки кожи на ее щеках и на лбу теперь выделялись особенно ярко, потому что лицо Мэри посерело. Глаза широко распахнулись.

Не выходи из машины, беззвучно произнесли ее губы.

Я обязан, так же беззвучно ответил ей Питер и поставил ногу на асфальт федерального шоссе 50. Какое-то время Мэри все так же судорожно сжимала его руку, потом Питер высвободился и вылез из кабины. Коп смотрел на него сверху вниз. *Шесть футов и семь дюймов,* подумал Питер, *никак не меньше.* И внезапно перед ним, как в ускоренной съемке, пронеслись последующие события: гигант коп, достающий револьвер и нажимающий на спусковой крючок, высокоученые мозги Питера Джексона, летящие брызгами на крышу «акуры», Мэри, вытряхиваемая из кабины, брошенная лицом вниз на багажник, коп, насилующий ее прямо на шоссе, под ярким солнцем пустыни, в шляпе а-ля медвежонок Смоки, надвинутой на лоб, и кричащий: *Тебя интересовали органы доноров, женщина? Вот тебе орган! Вот тебе!*

– В чем дело, патрульный? – Во рту у Питера пересохло. – Думаю, я имею право знать.

Коп повернулся и направился к багажнику «акуры». Не оглядываясь, словно его не интересовало, последует Питер за ним или нет. Питер последовал, ощущая, что ноги его от волнения стали ватными.

Коп остановился в двух шагах от заднего бампера. Когда Питер присоединился к нему, коп вытянул руку с указующим перстом. Питер проследил за ним взглядом и увидел, что на автомобиле Дейдры нет пластины с номерным знаком, лишь чистенький прямоугольник, который эта пластина прикрывала.

– О черт! – В возгласе Питера слышалось раздражение, в душе же он почувствовал безмерное облегчение. Все-таки у копа была причина остановить их. Питер поднял глаза и только тут заметил, что водительская дверца закрыта. Ее захлопнула Мэри. Он же так волновался... не знал, что его ждет... короче, не слышал стука.

– Мэри! Эй, Мэри!

Она высунулась из своего окошка и посмотрела на него.

– У нас отвалилась эта чертова пластина с номерным знаком! – крикнул Питер, разве что не смеясь.

– Что?

– Нет, не отвалилась, – поправил его коп из Безнадёги.

Он вновь присел и медленно, осторожно, плавно сунул руку под задний бампер. А затем пошуровал там, с обратной стороны чистого прямоугольника. Взгляд его в это время был устремлен к горизонту. У Питера возникло странное ощущение, что остановил их не коп, а мужчина с рекламного щита «Мальборо».

– Ага! – Коп встал, сжав в кулак руку, что шарил за бампером.

Он протянул ее Питеру и раскрыл ладонь. На ней лежал (такой крохотный в сравнении с розовой площадкой) кусок заржавевшего болта. С блестящим перепиленным торцом.

Питер посмотрел на остатки болта, потом на копа:

– Я не понимаю.

– Вы останавливались в Фэллоне?

– Нет...

Тут открылась дверца со стороны пассажирского сиденья, и песок заскрипел под кроссовками Мэри, направляющейся к ним.

– Конечно, останавливались. – Она посмотрела на кусочек железа, лежащий на большой ладони (во второй руке коп все еще держал регистрационный талон Дейдры и водительское удостоверение Питера), потом перевела взгляд на лицо копа.

Испуг прошел, во всяком случае, улеглась охватившая ее паника, что порадовало Питера. Он уже успел девять раз обругать себя идиотом, но не мог не признать, что некоторые особенности в поведении копа

(вы действительно думаете, что это разумно?)

давали на то веские основания.

– Закусочная на автозаправке, Питер, разве ты не помнишь? Ты сказал, что бензина нам хватит до Эли, поэтому мы взяли по стакану содовой, чтобы не просить разрешения попользоваться туалетом. – Мэри взглянула на копа и попыталась улыбнуться. Питеру она казалась маленькой девочкой, старающейся выдать улыбку из папочки, когда тот вернулся с работы в скверном настроении. – Туалеты там очень чистые.

Коп кивнул.

– Вы останавливались на «Заправься по-быстрому» или на «Коноко» Берка?

Мэри вопросительно посмотрела на Питера.

Тот развел руками:

– Не помню. Черт, я с трудом вспоминаю, что мы вообще останавливались.

Коп через плечо бросил кусок болта в пустыню, где ему и предстояло пролежать миллион лет, пока им не заинтересуется какая-нибудь не в меру любопытная птичка.

– Готов спорить, что болтающихся неподалеку детей вы запомнили. Скорее подростков. Во всяком случае, один или двое на детей никак не тянули. Те, что помладше, катались на досках или роликах.

Питер кивнул и подумал о Мэри, которая спрашивала его, зачем люди пришли сюда, в пустыню, и почему остались.

– Наверняка вы были на «Заправься по-быстрому». – Питер посмотрел на копа в надежде увидеть на одном из карманов форменной рубашки нашивку с фамилией, но не увидел. Так что пока он оставался для них просто копом, который выглядел совсем как мужчина с рекламных щитов «Мальборо». – У Элфи Берка они больше не крутятся. Он их разогнал. Подлые поганцы.

Мэри вскинула голову, и Питеру показалось, что он уловил улыбку в уголках ее рта.

– Так это банда? – спросил Питер, не понимая, куда клонит коп.

– Можно сказать и так, хотя Фэллон для подростковых банд маловат. – Коп поднес водительское удостоверение Питера поближе к глазам, посмотрел на фотографию, потом на Питера, но удостоверение не отдал. – Большинство этих мерзавцев выгнали из школы. А хобби у них – срезать пластины с номерными знаками других штатов. Ищут острых ощущений. Полагаю, с вашего автомобиля они срезали пластину, пока вы покупали прохладительные напитки или пользовались туалетом.

– Вы об этом знаете, а они по-прежнему срезают пластины? – удивилась Мэри.

– Фэллон не мой город. Я заезжаю туда редко. У них одни порядки, у меня – другие.

– Что же нам делать без пластины? – спросил Питер. – Я хочу сказать, теперь хлопот не оберешься. Автомобиль зарегистрирован в Орегоне, а моя сестра перебралась в Нью-Йорк. Рид она ненавидела...

– Вот как? – удивился коп. – Да перестаньте!

Питер почувствовал на себе взгляд Мэри, понял, что его последняя фраза повеселила ее, но ему самому предаваться веселью было пока рановато.

– Она говорила, учиться там – все равно что пытаться отправиться на занятия с концерта «Грейтфул дэд»³. Короче, она улетела в Нью-Йорк. А мы с женой подумали, что неплохо было бы отправиться в Портленд, а потом перегнать в Нью-Йорк ее автомобиль. Вещи свои Дейдра уложила в багажник. В основном это одежда... – Он вновь тараторил, но на сей раз заставил себя говорить медленнее. – Так что же мне делать? Мы ведь не можем проехать всю страну без заднего номерного знака.

Коп не торопясь зашагал к капоту «акуры». Водительское удостоверение Питера и канареечно-желтый регистрационный талон Дейдры он нес в одной руке. Перепоясывающий его ремень поскрипывал при каждом шаге. Обойдя автомобиль спереди, коп остановился, заложив руки за спину. Питеру он показался похожим на посетителя художественной галереи, застывшего перед заинтересовавшим его экспонатом. Подлые поганцы. Видать, сильно они его достали.

Коп уже шагнул к нему. Мэри придвинулась к Питеру, ее страх ушел. На здоровяка она взирала с интересом, не более того.

– Передняя номерная пластина в порядке, – возвестил коп. – Переставьте ее назад. Тогда вы без проблем доберетесь до Нью-Йорка.

– Хорошо, – кивнул Питер. – Дельная мысль.

³ «Grateful Dead» – известная американская рок-группа, на концертах которой употребление наркотиков считалось хорошим тоном.

– У вас есть ключ и отвертка? Я свои инструменты оставил на верстаке. – Коп улыбнулся. Улыбка совершенно преобразила его лицо. – Ах да, возьмите. – Он протянул Питеру водительское удостоверение и регистрационный талон.

– В багажнике вроде бы есть мешок с инструментами. – В голосе Мэри слышалось облегчение, то же самое испытывал и Питер. – Я его видела, когда клала туда косметичку. Лежит за запаской.

– Позвольте вас поблагодарить, – улыбнулся Питер копу.

Тот кивнул. На Питера он, впрочем, не смотрел. Его серые глаза изучали далекие горы.

– Это моя работа.

Питер направился к дверце водителя, гадая, а чего, собственно, они с Мэри испугались.

Все это ерунда, сказал он себе, вынимая ключи из замка зажигания. Помимо ключей, на кольце болтался брелок с улыбающейся рожицей. Дейдра называла его мистер Лыба-Улыба, и эта рожица являлась ее фирменным знаком. Большинство писем Дейдры украшали счастливые желтые рожицы, изредка их заменяли зеленые, с опущенными уголками рта. Это означало, что у сестры выдался неудачный день. Положа руку на сердце можно сказать, что он совсем и не боялся. И Мэри тоже...

Чушь собачья, ложь. Еще как боялся, а Мэри... Мэри просто находилась на грани истерики.

Ладно, может, у нас не все в порядке с головой, думал Питер, возвращаясь с ключами к багажнику. *Но не убивать же нас за это*. А Мэри уже стояла рядом с копом. Питер едва верил своим глазам: ее макушка едва доставала до грудной клетки этого здоровяка.

Коп открыл багажник. Слева лежали вещи Дейдры, прикрытые от дорожной пыли пластиковыми мешками, посередине – косметичка Мэри и два их чемодана, втиснутые между вещами Дейдры и запаской. *Хотя величать эту совершенно лысую шину запаской – слишком большая честь*, подумал Питер. *На ней можно доехать разве что до ближайшей мастерской, да и то если повезет*.

Питер заглянул в узкий зазор между шиной и чемоданом. Ничего.

– Мэри, я не вижу...

– Вон он, – указала Мэри. – Серый мешок. Завалился за запаску.

Он мог бы просунуть руку в щель, но решил, что проще вытащить запаску. Питер уже прислонял ее к бамперу, когда услышал, как ойкнула Мэри. Словно ее ущипнули или ткнули пальцем под ребра.

– Эге, – раздался ровный, спокойный голос копа. – И что же это такое?

Мэри и коп смотрели в багажник. На лице копа отражалось легкое любопытство. У Мэри же глаза в ужасе вылезли из орбит. Губы дрожали. Заглянул в багажник и Питер. Что-то лежало в нише под запаской. Что-то полностью ею прикрытое. Питер сразу понял: ему совершенно не хочется знать, что именно там лежит. И у него вновь засосало под ложечкой. Да еще возникло ощущение, будто сфинктер парализовало и он вот-вот обделается. Ягодицы непроизвольно сжались, но Питеру все еще казалось, что это происходит не с ним. И вообще это сон, по-другому и быть не может.

Здоровяк коп быстро глянул на него серо-стальными, ровным счетом ничего не выражавшими глазами, наклонился и достал из ниши мешок, большой мешок, с галлон, набитый зеленовато-коричневой травой. Он был запечатан липкой лентой. Украшала мешок желтая наклейка. Мистер Лыба-Улыба. Идеальная эмблема для поклонников «травки», к которым относилась и сестра Питера, ее жизненные приключения следовало бы назвать «Путешествие по американским клоакам с «колесами» и «косяком». Она залетела обкурившись, под кайфом согласилась выйти замуж за Роджера Финни и, Питер это знал наверняка, покинула Рид только потому, что наркоту там предлагали на любом углу, всем и каждому, а устоять Дейдра не могла. Насчет этого она говорила откровенно, и перед отъездом из Портленда

Питер обшарил всю «акуру» в поисках «травки»: вдруг Дейдра что-то забыла или припрятала. Мэри, кстати, прощупала одежду Дейдры, не объясняя причины: они оба все понимали без слов. Но им и в голову не пришло заглянуть под запаску.

Чергова запаска!

Огромная лапища копа сжала мешок с «травкой», словно помидор. Вторую он сунул в карман и достал швейцарский армейский нож.

– Патрульный, – промямлил Питер. – Патрульный, я понятия не имею, каким...

– Ш-ш-ш, – остановил его коп и надрезал мешок.

Питер почувствовал, как Мэри дергает его за рукав. Он нашел и сжал ее руку. Перед его мысленным взором возникло миловидное лицо Дейдры. Светлые вьющиеся локоны, падающие на плечи. И глаза, всегда чуть затуманенные, отстраненные.

Маленькая глупая сучка, подумал Питер. *Благодари Бога, что тебя здесь нет, иначе я бы тебе сейчас врезал.*

– Патрульный... – подала голос Мэри.

Коп поднял руку, призывая ее помолчать, затем поднес мешок к лицу, уткнулся носом в разрез и принялся. Глаза его на мгновение закрылись. Потом коп открыл глаза и опустил мешок.

– Дайте мне ключи от автомобиля, сэр.

– Патрульный, я могу все объяснить...

– Дайте мне ключи.

– Вы только выслу...

– Вы оглохли? Дайте мне ключи.

Коп лишь слегка повысил голос, но и этого хватило, чтобы Мэри заплакала. Питеру не оставалось ничего другого, как положить ключи от автомобиля Дейдры на ладонь копа и обнять дрожащие плечи жены.

– Боюсь, вам придется проехать со мной, – продолжил коп. Он перевел взгляд с Питера на Мэри, потом вновь на Питера. Вот тут до Питера и дошло, что же именно тревожило его в этих серых глазах. С одной стороны, они яркие, как первый утренний луч, а с другой – мертвые.

– Пожалуйста, – всхлипнула Мэри. – Это ошибка. Его сестра...

– Садитесь в машину. – Коп указал на белый «каприс». Синие огни все еще мигали на его крыше. – Сюда, пожалуйста, мистер и миссис Джексон.

4

На заднее сиденье они втиснулись с трудом (другого и быть не могло, подумал Питер, этот здоровяк как можно дальше отодвинул переднее). На полу, за водительским креслом, лежали пачки бумаги (на спинке сиденья красовалась вмятина, оставленная могучей спиной водителя). Пару пачек, не уместившихся внизу, положили у заднего стекла. Питер поднял верхний листок с засохшим кофейным кольцом: кто-то поставил чашку, и кофе пролился. Листовка, выпущенная какой-то общественной организацией, вероятно, к одному из своих сборищ. На листовке был изображен ребенок, сидящий на пороге. Изумленный, ничего не понимающий (пожалуй, в тот момент те же чувства испытывал и сам Питер). Кофейное кольцо окружало голову ребенка, словно нимб.

Заднее и переднее сиденья разделяла металлическая сетка. Ручки, открывающие окна и дверцы, отсутствовали. Питеру уже начало казаться, что он – герой фильма (на память сразу пришел «Полуночный экспресс»), и эти детали только усугубили возникшее чувство. Питер пришел к выводу, что он наговорил уже слишком много, поэтому теперь ему, да и Мэри, лучше помолчать, во всяком случае, до тех пор, пока они не окажутся в том месте, куда

решил отвезти их патрульный. Питера так и подмывало сообщить копу, что тот допустил чудовищную ошибку: он – старший преподаватель английского языка в Нью-Йоркском университете, его специализация – послевоенная американская литература, недавно он опубликовал научную статью «Джеймс Дики и новая южная реальность», вызвавшую живые, хотя и противоречивые отклики в академических кругах, и самое главное – он уже много лет не курил «травку». Ему страстно хотелось сказать, что, возможно, по стандартам Центральной Невады, образования у него с избытком, но в принципе он хороший парень.

Питер взглянул на Мэри. Глаза ее были полны слез, и его охватил стыд: что же это я все про себя да про себя. Жена ведь тоже попала в эту передрыгу, и следовало об этом помнить.

– Питер, я так боюсь, – прошептала или, скорее, простонала она.

Он наклонился и поцеловал ее в щеку. Кожа у Мэри была холодная, как глина.

– Все будет хорошо. Это недоразумение, мы его уладим.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

Посадив их на заднее сиденье патрульной машины, коп вернулся к «акуре». Минуты две он стоял, уставившись в открытый багажник. Не переключал вещи, не прощупывал их, просто стоял, заложив руки за спину, словно зачарованный увиденным. Затем вздрогнул, как человек, задремавший в кресле, а потом внезапно проснувшийся, захлопнул багажник «акуры» и направился к «капрису». Патрульная машина осела на левый бок, как только коп сел за руль, пружины водительского сиденья протяжно заскрипели, а его спинка с такой силой придавила Питеру колени, что он скривился от боли.

С этой стороны следовало посадить Мэри, подумал он, но теперь слишком поздно говорить об этом. Как и о многом другом.

Заурчал двигатель. Коп включил первую передачу и выехал на асфальт. Мэри повернулась, чтобы посмотреть, как «акура» уменьшается в размерах. Когда же она перевела взгляд на Питера, слезы, стоявшие в ее глазах, уже потекли по щекам.

– Пожалуйста, послушайте меня, – обратилась она к коротко стриженному светлому затылку. Перед тем как сесть в машину, коп снял шляпу, и Питер отметил, что расстояние между крышей и макушкой не превышало дюйма. – Пожалуйста, постарайтесь понять, хорошо? *Это не наш автомобиль. Вы должны* это понять, я уверена, вы поймете, потому что видели регистрационный талон. Машина принадлежит сестре моего мужа. Эта женщина – наркоманка. Она...

– Мэри... – Питер сжал руку жены, но она вырвала ее.

– Нет! Я не собираюсь сидеть весь день в полицейском участке, может, даже в камере, отвечая на глупые вопросы, лишь из-за того, что твоя сестра такая эгоистка. Как она могла забыть... Ну ее к черту!

Питер откинулся на спинку сиденья. Давление на колени не снижалось, но он решил, что это можно пережить, и повернулся к запыленному окну. От «акуры» их уже отделяла миля или две, а впереди он видел что-то большое, стоящее на обочине встречной полосы. Автомобиль. Судя по габаритам, грузовик.

Мэри смотрела уже не в стриженный затылок, а в зеркало заднего обзора, надеясь поймать взгляд копа.

– Половина мозговых клеток Дейдры сгорела, а вторая половина пребывает в Изумрудном городе. Есть даже такой профессиональный термин – «измененная личность», вы наверняка встречали подобных людей, патрульный, даже в здешних краях. То, что вы нашли под запаской скорее всего «травка», в этом вы совершенно правы, но это *не наша* «травка»! Разве вы не понимаете?